

Б.З. ДОКТОРОВ

ГЕННАДИЙ БАТЫГИН: «Я ХОЧУ РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ»

Прошло десять лет с момента смерти Геннадия Батыгина (1951–2003). Но своими работами он, безусловно, участвует в развитии российской социологии. И можно предположить, что его постбиография будет долгой и насыщенной.

Ключевые слова: Геннадий Батыгин, поколения российских социологов, историко-биографические исследования, постбиография, «Социологический журнал».

Десять лет назад, 1 июня, оборвалась жизнь Геннадия Семеновича Батыгина (1951–2003), основателя и первого главного редактора «Социологического журнала». Его памяти посвящается этот материал.

Сейчас Батыгину было бы лишь 62 года. Каждый скажет, для исследователя-обществоведа, гуманитария это не время подведения итогов, но период обобщения накопленного опыта. В этом возрасте ученые, как правило, полны планов и ощущают в себе силы для решения по-настоящему важных и сложных проблем. То, что Батыгин успел сделать, и то, как он очертил свое исследовательское пространство, открывало ему перспективы для глубоких, многоаспектных поисков, а его эрудиция и работоспособность давали основание надеяться на последующие успехи его научной деятельности. К сожалению, сполна реализовать задуманное ему не удалось. Его жизнь, а значит и его биография завершились. Началась его постбиография.

В силу двух обстоятельств преждевременно оценивать результаты исследований и в целом научной деятельности Батыгина. Во-первых, необходимо систематизировать его работу по проблемам методологии и истории социологии, сделанное им на ниве подготовки

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США).

Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

кадров, в качестве редактора журналов и книг. Во-вторых, надо дать отстояться многим событиям в нашем коллективном профессиональном прошлом, испытать временем все сделанное в советской/российской социологии во второй половине завершившегося века. Мы должны осознавать, что сегодняшние наши историко-научно-ведческие аргументы и выводы — лишь начало анализа сложного, многоаспектного процесса возникновения и развития нашей науки. Тем не менее, как современники и участники этого процесса мы не только можем, но и должны рассказывать о наших коллегах и о происходившем в те десятилетия, и мы имеем право оценивать вклад отдельных ученых в развитие нашей науки. Мы должны будущим поколениям социологов дать прошлое российской социологии.

Рисунок жизни Батыгина — прост; он показан им в биографическом интервью, данном Н.Я. Мазлумяновой незадолго до его смерти [5]. Отец — строевой офицер с врожденным еврейским почитанием книжности, ни о какой военной карьере для него не могло быть и речи. Существовала так называемая ситуация «перекрестного давления»: местечковый еврей, не имеющий шансов на образование и повышение по службе, но преданный казарме и плацу; мать — врач, она — из Архангельска, из поморов; в лихие годы ее семья лишилась всего хозяйства, но ссылать их было некуда, они жили на Белом море.

Годы детства и взросления Батыгина прошли в военных городках: запах стиранных гимнастеров и гуталина, фуражки, ремни, сапоги... заваленные снегом финские домики где-то в саратовских степях, развод караула и военный оркестр — запомнившиеся ему детские впечатления. У него рано обнаружилась сердечная недостаточность. Он часто болел и, проводя много времени дома, пристрастился к чтению и размышлениям. Что было на отцовских полках или в горнизонной библиотеке, — то и читал, не переставая. Затем — стремление узнать, понять устройство мира, знакомство с философской литературой. В упомянутом интервью он отмечал: «Более или менее определенные интересы сформировались лет в пятнадцать». Несистематизированное чтение детской и юношеской литературы совмещалось с учебником В.Г. Афанасьева «Основы философских знаний», в котором для него оказалось важным «не содержание, а само философствование, определенным образом организованная “бесмыслица”» [5, с. 135].

По нынешним временам очень необычно звучит рационалистически-нравственное, даже — политико-нравственное обоснование Батыгиным своего движения к философскому образованию. Неизгладимое впечатление произвела на него книга Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей». Он встретил в ней «бесконечную смысловую многослойность», и для него открылась возможность интертекста. Он увидел в книге развертывание мечты о коммунизме.

Далее — влюбленность в начисто забытый в наше время роман «Секретарь обкома». Его автор — Всеволод Кочетов — сегодня характеризуется как главный мракобес, ярый сталинист, боровшийся и с либеральной, и с почвеннической интеллигенцией. Его произведения признаются самым породистым соцреализмом, а роман «Секретарь обкома» — самой «сахарной соцреалистичностью».

Батыгина привлек в романе образ «мыслящего секретаря обкома», положение которого позволяло ему «осуществлять справедливость и преобразовывать мир». Позднее Батыгин увидел во всем этом глупость и тоталитарность собственного понимания мира, но — приведу его слова — «такова предыстория выбора мною философского факультета» [5, с. 136]. Надо думать, что на самом деле все было и сложнее, и как-то по-другому. К этому документу лучше относиться с осторожностью. Надо хорошо знать этого человека, чтобы увидеть в его словах, закругляющих рассказ о своем философском взрослении, глубинную самоиронию. Надо знать, насколько разным он был в разные периоды своей жизни и насколько постоянным в самоиронии и парадоксальности. Да и здесь же, в интервью, Батыгин как бы в подтверждение говорит — о себе том: «Я рискую ошибиться, потому что воспроизводимый сейчас мною текст я навязываю человеку, который уже не существует. Я смотрю на него со стороны и иногда удивляюсь его поступкам» [5, с. 136]. И далее с теми же чувствами — о своей «боевой юности». Но воспроизводимые факты, конечно, реальны.

В воспоминаниях Батыгина рассказывается о его ранних годах в комсомоле, куда он вступил в 14 лет и где сразу проявил свою активность: «Нравилось руководить, точнее, создавать руководящие тексты, письменные и устные. В девятом и десятом классах был секретарем комитета комсомола школы. Жалею ли я об этом? Скорее нет. Но что уж точно не хочется вспоминать, так это мою искреннюю службу в комсомольском подразделении по охране общественного порядка. Надо сказать, что со времени “оттепели” средние и малые города были переполнены шпаной. Хулиганство и уличная преступность... Партия и комсомол боролись с пережитками прошлого без каких-либо представлений об административном и уголовном процессе. Меня отчасти оправдывают “светлые” мотивы борьбы с нарушениями правопорядка, тем более что мои старшие товарищи, взрослые милиционеры, нимало ни о чем не задумывались. Родители пытались противодействовать моему увлечению, но это лишь укрепило идейную убежденность юного борца» [5, с. 134].

В развиваемой мною поколенческой стратификации сообщества российских социологов Батыгин относится к четвертому поколению, которое образуют исследователи, родившиеся в период с 1947–1958 гг. [9]. Я провел 15 глубинных интервью с представителями этой

профессионально-возрастной группы, но ни в одном из них нет даже сколь-нибудь подобной истории вхождения в философию, а позже — в социологию. Приведенное больше напоминает мотивацию поступления на философский факультет некоторых социологов первого поколения. Когда журналистка Ольга Кучина спросила Б.А. Грушина о том, как он настроился на дорогу, по которой многие годы шел, он ответил: «... я постоянно думаю об этом сам. Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом». Ясно, что «кожаная куртка и маузер», да и сам Павка Корчагин — образы жесткого, наверное, бескомпромиссного отношения к окружавшей Грушина реальности. По воспоминаниям его студенческого друга М.К. Мамардашвили, Грушин вырос «из обыкновенного, банального комсомольского активиста...» [8, с. 12].

По духу близкое к описываемому присутствует в интервью с В.А. Ядовым, в котором он вспоминает о своем знакомстве с И.С. Коном: «В отличие от него, в полном смысле академического ученого, который все время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее. Кстати, однажды на комсомольском собрании (присутствовал на факультетском как заместитель секретаря комитета комсомола ЛГУ) я обрушился на своего товарища с яростной критикой по поводу какого-то его высказывания, показавшегося мне сомнительным в смысле “большевистской зрелости”. Игорь потом не раз подшучивал, что Ядов чуть было не исключил его “из рядов”» [7, с. 4].

При этом я думаю, что в Грушине и Ядове, которых связывали глубокие дружеские чувства, и в некоторых других их ровесниках эта комсомольская напористость сочеталась с романтикой, с духом оруджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловской «испанской грустью». То было неистовство, которое присутствовало в образах коммуниста в известном фильме с Евгением Урбанским «Чистое небо» (1961) и комиссара, сыгранного Нонной Мордюковой в одноименном фильме (1967). Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, они надеялись это общество усовершенствовать.

Тот факт, что бурная общественная активность, желание улучшить мир и романтическое отношение к миру более сближают Батыгина не с представителями его профессиональной когорты, но с рядом социологов первого поколения, я отмечал еще два года назад [9, с. 121], но тогда я не видел объяснения этому обстоятельству. Сейчас я вижу корни подобной близости в двух особенностях его ранней социализации.

Прежде всего — жизнь в замкнутых анклавах — военных городках, постоянное общение с людьми прошедшими войну и, скорее всего, мало понимавшими все происходившее в стране после смерти

Сталина. Да и духовная атмосфера в них не могла значительно отличаться от той, что отражена в фильме Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор». Таким образом, Батыгину в большей степени, чем его ровесникам, жившим и обучавшимся в крупных городах и в гражданском (не военном) пространстве, пришлось самому осмыслить и принять сюжеты политической оттепели. За четверть века до него так же трудно постигали хрущевские начинания представители двух первых поколений российских социологов. И хотя по возрасту Батыгин был много моложе представителей когорты «шестидесятников», он во многом разделял их мироощущение, и они — его.

И еще одно обстоятельство — его детская, юношеская болезнь и потому — одиночество, собственный поиск смыслов, раздумья о мире других, не таких, как он. Нечто подобное испытали в эвакуации Т.И. Заславская, И.С. Кон, Ю.А. Левада и долгие годы прикованный к постели А.Г. Здравомыслов.

Стремления к изучению философии и агрессивный оттенок комсомольской активности Батыгина соседствовали в нем с интересом к богословию. Впервые он взял в руки Библию, уже обучаясь в университете, а крестился, по воспоминаниям многие годы работавшей с ним Каринэ Щадиловой, в 1991 году. Но еще живя в Сызрани, он хотел обратиться к священнослужителю, чтобы поучиться у него, однако воздержался, понимая, что это может отразиться на службе отца — члена партии. Тем не менее, приехав в Москву, чтобы сдать вступительные экзамены в МГУ, он отправился в Троице-Сергиеву лавру, где прозондировал вопрос о поступлении в духовную семинарию. Он полагал, что таким образом окажется «ближе к финальной истине, чем на философском факультете», однако из церкви его «вежливо выгнали», и он поступил на философский факультет. [5, с. 139].

Никаких подобных сюжетов в жизни старших поколений мне не встречалось, думаю, их и не было. Но были иные.

Вот фрагмент ответа правнука священника А.Г. Здравомыслова на вопрос о его отношении к религии: «Что я вынес из блокады? Я остался без отца и без брата, потерял массу родственников и друзей детства, сохранил на всю жизнь воспоминание о свисте бомбы, летящей на наше жилище. <...> Много людей вокруг меня обращались к Богу, к религии за утешением. Но я не мог и до сих пор не могу найти места для высшего существа в объяснении этих страданий. <...> Я решил для себя, что высшей силы нет, она не могла бы допустить столь чудовищной несправедливости...» [10, с. 8-9].

Теперь приведу с сокращениями сюжет из воспоминаний А.В. Баранова, учившегося на философском факультете ЛГУ в те же годы, что и Здравомыслов. И в урезанном виде эти воспоминания производят сильное эмоциональное впечатление. В семнадцатилетнем возрасте он решал вопрос о существовании Бога: «Вот говорят,

что он очень суровый, если его не слушаться, то наказывает, Бог, наказующий за неправильное поведение. Какое неправильное поведение? Ну, самое надежное — хула на самого Бога. Поэтому я принимаю решение. Неделю я ругаю Бога как только возможно и потом предлагаю ему дуэль. Я поеду в Горький по делам на пригородном поезде, и это время, когда я ему предоставляю каким-то образом проявиться: ну, поездки — всегда определенный риск. <...> Я поставил условие: “Если ты не выполняешь, если ты мне не явишься в том или ином виде, я считаю, что тебя нет. И мы расходимся. Я тебя не знаю, ты меня не трогай. Договорились?” Хорошо. Я жду, когда тронется поезд, я Богу даю фору. Дождался, когда вагон тронется, и на ходу сажусь, за перила держусь и ступаю на ступеньку поезда. Мне было страшно почти до смерти. Я почти потерял сознание от страха. Я Бога вызвал на дуэль. Несколько минут ехал на ступеньке движущегося поезда, держась обеими руками за поручни и коленками стоя на ступеньках. Вопрос был решен раз и навсегда. <...>» [1, с. 7-8].

Трудно представить подобные сюжеты, связанные с поисками веры, «финальной истины», в биографиях социологов, родившихся в начале 1950-х и позже.

Я специально рассмотрел, как начинался путь Батыгина в философию/социологию, ибо многое, что происходило в годы его обучения в Москве и в его исследовательско-преподавательско-редакционной деятельности, было следствием, развитием, трансформацией событий и размышлений, составлявших суть его домосковской жизни. Безусловно, в той или иной степени это относится к строению жизненных траекторий многих людей, однако — не столь жестко.

В 1969 году, со второй попытки, Батыгин поступил на философский факультет МГУ, который закончил в 1974 году с «красным дипломом». При этом он одновременно обучался — это парадоксально — на отделении научного коммунизма и на кафедре научного атеизма: всегда писал две курсовые работы и защитил два диплома. Его должны были призвать на срочную военную службу; как сын военного и сам когда-то хотевший стать летчиком он был готов работать с личным составом и вступить в КПСС, но обнаружилось, что выпускники философского факультета тогда не были нужны вооруженным силам. После долгих поисков работы он случайно пришел в Институт социологических исследований (ИСИ) Академии наук СССР. Здесь его не спросили ни о партийности, ни о рекомендации в аспирантуру, которой у него и не было. Слово «социология» для него было внове. В очную аспирантуру он не поступил, конкурс был слишком большой, стал заочником. Зачислили его лаборантом на временную ставку, и начал он «работать, как сумасшедший, сутками». Через полгода его приняли на постоянную работу лаборантом, а через год после сдачи кандидатских экзаменов перевели на должность младшего научного

сотрудника. В 26 лет он — кандидат наук, в 36 — доктор и вскоре профессор.

С легкой руки В.А. Ядова за его поколением социологов закрепилось определение «самоучки»; действительно, они до всего доходили сами. Но, замечу, самоучками были и многие представители даже четвертого поколения социологов, в том числе — Батыгин. Правда, они уже могли учиться не только по западной литературе, но и по работам советских авторов. Вот от чего были свободны представители четвертой, да и третьей, когорты, так это от отстаивания самостоятельности социологии как науки. «Наше поколение — написал мне недавно В.А. Ядов — дружно сопротивлялось истматчикам и научкоммунистам; поколение Геннадия не столько защищало свою науку, сколько утверждало ее. Это совсем не одно и то же» (из электронного письма В.А. Ядова Б.З. Докторову от 23 мая 2013).

Батыгин явно обгонял в профессиональном признании и карьерном росте многих членов своей возрастной когорты. То, что он ранее других представителей своего поколения защитил кандидатскую и докторскую диссертации, согласно ряду наукометрических выводов уже дает основание говорить о нем как об одном из лидеров своего поколения российских/советских социологов.

Он менее чем на год уходил из Института социологии, но потом вернулся, так что вся его научная деятельность протекала в стенах этой организации. Круг исследовательских интересов Батыгина включал большой набор различных по содержанию проблем социологии, связанных прежде всего с поисками методов познания и описания мира социальных отношений. Его прекрасная философская подготовка и многие годы работы с эмпирическими данными позволяли ему с высокой степенью компетентности обсуждать и сложные теоретические вопросы социологического измерения, и инструментальные приемы. В 1986 году вышла его книга «Обоснование научного вывода в прикладной социологии», которая и сейчас, почти три десятилетия спустя, активно используется при обучении будущих социологов [6]. Широкую известность у исследователей и преподавателей социологии получила и более поздняя книга Батыгина «Лекции по методологии социологических исследований (1995)» [3].

В конце 1970-х Батыгин начал работать в единственном тогда в СССР социологическом журнале «Социологические исследования» и вскоре стал одной из ключевых фигур в определении редакционной политики этого издания. Еще работая в этом издании, он мечтал делать настоящий, сильный, свободный, интеллектуальный и популярный журнал — «царство духа и пиршество мысли». В 1994 году при финансовой поддержке фонда Сороса ему удалось создать «Социологический журнал». Однако задолго до рождения журнала «Социологическая

Мечта: познать законы, управляющие человеческими сообществами и указать народам путь к счастью» растаяла, и перед журналом была поставлена весьма прагматичная задача: «ориентироваться не столько на изобретение новых парадигм, сколько на рутинную профессиональную деятельность социологов» [2]. Возможно, поэтому издание быстро завоевало высокое признание в социологическом цехе.

Создавая этот журнал, Батыгин преследовал цель, которой ему не удалось достичь, работая в «Социологических исследованиях», — активно формировать просматривавшееся им в общих чертах лицо постсоветской российской социологии, оказывать поддержку тем группам социологов, которые стремились к разработке актуальных социальных проблем и выработке новых теоретических и эмпирических методов. Но, думается мне, была еще десятилетиями вынашивавшаяся им цель — содействовать становлению новой риторики отечественной социологии.

По воспоминания Батыгина, учась в школе, он плохо знал физику, математику, химию и биологию, но достаточно хорошо — литературу, русский язык и историю. Учительница русского языка иногда предоставляла ему возможность разъяснять в классе особенности правописания или управления в русском языке. В университете особое влияние на него оказал профессор психологии П.Я. Гальперин, но прежде всего это влияние было стилистическим. При интервьюировании Д.Л. Константиновского, социолога и литератора, я заметил, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем. Имелось в виду его стремление к некоему синтезу текста и контекста, его повышенное внимание к стилю изложения. Константиновский согласился со сказанным и добавил: «Кроме того, не надо забывать, что Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запоминал. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию» [11, с. 9].

Среди дальних планов Батыгина было изучение проблем, лежащих в пересечении социологии, литературоведения и религиоведения. Он задумывал рассмотреть возникновение проблемы искренности в литературе и в общественных науках и проанализировать историю советской общественной мысли в терминах истории «традиционных» религиозных ересей как альтернативы иерархическим церквам. Одна из важнейших задач, которые он ставил перед собою, заключалась в исследовании советского дискурса. В этом отношении мне представляется весьма значимой его статья о социальных науках как тексте [4].

Конечно же издание журнала отвечало и желанию Батыгина преподавать, передавать людям то, что он знал. Но это было не его стремлением к монологу, а приглашением к диалогу, в котором себе

он оставлял роль ведущего. В нем это всегда присутствовало. В уже несколько раз упоминавшемся интервью с Батыгиным есть очень интересный фрагмент, передающий стиль его общения: взаимопереплетение серьезного с элементами «смеховой культуры». Прочитую эту часть интервью с некоторыми сокращениями: «На старших курсах я подрабатывал чтением лекций по линии общества “Знание”. <...> Я приезжал в какой-нибудь магазин в подвале. Собирались человек пять, из них две продавщицы, и я рассказывал им о религиозной идеологии, религиозной философии, читал священные тексты, Евангелие, Христову молитву, Нагорную проповедь. Например: “Вы слышали, что сказано древним — не прелюбодействуй”. Продавщицы из овощного отдела смотрели на меня с искренним чувством стыда и желанием очиститься. <...> И тут директор магазина выносил мне завернутый в газету кусок мяса, не с костью, а вполне приличный. Чувства, которые я пробуждал в своих благодарных слушателях, выражались в желании чем-то мне помочь... Это уже было преподаванием, поэтому я был внутренне к нему готов и надеялся, что стану профессором — в конце карьеры, конечно. Я прекрасно знал уже тогда, что это моя задача. Что будет стол с книгами, будет преподавание, будут студенты-аспиранты. И я всю жизнь буду читать им Аристотеля, Платона или еще что-нибудь такое, что приближает нас к финальной истине» [5, с. 145].

В какой-то мере Батыгину удалось реализовать свои преподавательские намерения и способности. Он вел различные курсы по социологии, был профессором Российского университета дружбы народов и деканом факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук. Под его руководством защищено около трех десятков кандидатских диссертаций.

В 1990-е годы, по мнению Батыгина, окончательно сформировалась основная тема его интересов — история советской общественной мысли, им была задумана и начата реконструкция интеллектуальной истории советского периода, который считался временем мракобесия. Исходно его заинтересовала социология периода заката сталинской эры, но вскоре области его поисков и размышлений оказалась и советская социология других периодов.

Во второй половине 1980-х и начале 1990-х мы часто встречались с Батыгиным и обсуждали многие интересовавшие нас вопросы логики социологических исследований. Он в то время работал в архивах и готовил свои первые историко-социологические статьи, но я тогда не занимался анализом прошлого российской социологической науки, соответственно, мы мало говорили на эту тему. Затем наши встречи прекратились из-за моего отъезда в Америку, таким образом, я «пропустил» период его углубления в историко-социологическую проблематику. Но судя по всему, он достаточно быстро входил в эту

тематику, во всяком случае, В.А. Ядов, собрав сильный коллектив авторов для работы над фундаментальным томом «Социология в России» [13], доверил Батыгину, возможно, самому молодому в той команде, написать первую и крайне сложную главу о российской социологической традиции.

Долгие годы зная Батыгина и учитывая его тщательность и ответственность в выборе исследовательской тематики, я не могу допустить, что уже после защиты докторской диссертации его обращение к истории нашей науки было случайным или было спровоцировано внешними обстоятельствами.

К сожалению, в беседе с Мазлумяновой на ее вопрос о дальнейших планах Батыгин лишь сказал, что хочет работать в области советской истории, быть архивистом, исследователем каких-то мелких и, казалось бы, незначимых ситуаций — «деталей истории». Но не комментировал это намерение. Я думаю, что, скорее всего, существовало множество причин, в силу которых он решил сконцентрироваться на исследовании прошлого, но среди главных, наверное, были и такие. Прежде всего, Батыгин многие годы стремился к исследованиям, которые дают ученому подлинную свободу в творчестве. И второе, как это ни парадоксально звучит, изучение прошлого вполне обоснованно могло рассматриваться Батыгиным в качестве в высшей степени актуальной темы. Тогда представители разных общественных наук стремились к поиску ответа на вопрос: «Куда идет Россия?» К этому типу относится и вопрос: «Куда идет российская социология?», ответ на который во многом зависит от знания процесса ее становления.

У меня есть основания допускать, что сделанное Батыгиным будет долго жить в российской социологической науке, в частности потому, что он одним из первых начал углубленно исследовать её прошлое и оказался первопроходцем в изучении биографий исследователей, причастных к созданию нашей науки. Не сделай он этого в то время, сегодня мы представляли бы становление постхрущевской российской социологии значительно более поверхностно, схематично. А возможно, многое просто было бы потеряно. Задумаемся, в книге, изданной под редакцией Батыгина в конце прошлого столетия [12], представлено 25 автобиографических интервью и рассказов социологов первых поколений. Сегодня из них лишь треть жива и продолжает работать. Ценность этой книги велика уже и сейчас, и она будет расти. Книга позволяет нам и всем будущим поколениям социологов получить из первых рук информацию о зарождении современной советской/российской социологии.

Прошло десять лет с момента смерти Геннадия Батыгина. Но своими работами он, безусловно, участвует в развитии российской социологии. И можно предположить, что его постбиография будет долгой и насыщенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.В. Баранов: «А все-таки она вертится» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2008. № 3. С. 2–16.
2. Батыгин Г.С. Журнал социологов для социологов // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 4–5.
3. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995 [2-е издание — М.: РУДН, 2008].
4. Батыгин Г.С. Социальные науки как текст // Социальные науки в постсоветской России/ Рос. академия наук, Институт социологии; Университет Фрибурга; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свицерски. М.: Академический проект, 2005. С. 6–17.
5. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
6. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
7. В.А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11.
8. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13.
9. Докторов Б.З. Г.С. Батыгин и формирование четвертого поколения советских/российских социологов // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 114–128.
10. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит — надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
11. Константиновский Д.Л.: «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13.
12. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
13. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 1998.